

Текеева Лариса Кичиевна

ОЛЕНЬ В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Данная статья посвящена культуре оленя в традиционной культуре карачаевцев, балкарцев, кумыков и ногайцев. Автор обращает внимание на то, что среди тотемических и зоолатрических культов у тюркоязычных народов Северного Кавказа олень занимает особое место и является одним из наиболее почитаемых животных. Автор приходит к выводу, что следы почитания этого животного и его социальной значимости и сегодня сохраняются в традиционных верованиях и эпической традиции тюркоязычных народов Северного Кавказа

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/8-1/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. I. С. 189-192. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Васильева Л. Н.** Синергетический подход в теории элит и его использование в политологии // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 5. С. 97-114.
2. **Дахин А. В.** Социокультурный «отскок» как проблема социальной синергетики // Социальная синергетика: теоретические и практические аспекты. Йошкар-Ола, 2004. С. 88-104.
3. **Лавров Е. И., Капогузов Е. А.** Экономический рост: теории и проблемы. Омск: ОмГУ, 2006. 214 с.
4. **Пригожин И. Р., Стенгерс И.** Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
5. **Пушкарева Г. В.** Политическая система: синергетический подход // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2001. № 6. С. 32-49.
6. **Сорокин П. А.** Человек. Цивилизация. Общество. М.: Издательство политической литературы, 1992. 542 с.
7. **Crisis, Choice, and Change. Historical Studies of Political Development** / ed. by G. A. Almond, S. C. Flanagan. Boston: Little, Brown and Company, 1973. 237 p.

POLITICAL SYSTEM CRISIS: SYSTEM-SYNERGETIC APPROACH**Sulimin Aleksandr Nikolaevich**, Ph. D. in Political Sciences*Russian Academy of National Economy and State Service under the RF President (Branch) in Astrakhan'**Kratos84@yandex.ru*

The author pays attention to the lack of methodology for studying political crises in political science, so for the analysis of this process suggests using the methodological framework of system-synergistic approach, reveals the mechanisms of political system crisis, suggests the notions of political system structural and system crises, gives the definition of political crisis process, and also reveals that the motive forces of political crises are both objective and subjective factors, which participants are political actors, consciously or unconsciously violating the political order.

Key words and phrases: political crisis; system-synergetic approach; anomia; –step-up” chaos; –step-down” chaos; structural crisis; system crisis; ersatz elite; political actors.

УДК 398.54

Исторические науки и археология

Данная статья посвящена культу оленя в традиционной культуре карачаевцев, балкарцев, кумыков и ногойцев. Автор обращает внимание на то, что среди тотемических и зоолатрических культов у тюркоязычных народов Северного Кавказа олень занимает особое место и является одним из наиболее почитаемых животных. Автор приходит к выводу, что следы почитания этого животного и его социальной значимости и сегодня сохраняются в традиционных верованиях и эпической традиции тюркоязычных народов Северного Кавказа

Ключевые слова и фразы: тотемизм; религиозные верования; фольклор; мифология; культ оленя.

Текеева Лариса Кичиевна, к.и.н.*Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева**lar-tek@yandex.ru***ОЛЕНЬ В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ
ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА®**

Поклонение животным возникло на ранних стадиях исторического развития и восходит к тотемизму. Последний заключается в сопоставлении человека как представителя определенной группы людей с определенным видом животных.

Тотемизм имеет два аспекта: это способ социального группирования и религиозная система верований и обычаев. Социальный аспект тотемизма состоит, по мнению Б. Малиновского, в подразделении племени на меньшие группы – кланы, генсы, сибы, фратрии. Как религия же, он (тотемизм) выражает интересы примитивного человека в его среде обитания – «желание заявить о своем родстве с наиболее важными объектами и стремление иметь власть над ними» [13, с. 22]. Весь мир в сознании людей поделен как бы на две части: священную (сакральную) и профанную (мирскую). Поэтому часть животных, а иногда и растений наделяются сверхъестественной силой, к их помощи прибегают или, наоборот, опасаются их вмешательства в обыденную жизнь. По мере развития человеческого общества религиозные верования о различных представителях животного мира также соответственно видоизменялись, приспосабливаясь к условиям жизни.

Култ животных у тюркоязычных народов Северного Кавказа сложился в религиозную систему на ранних этапах формирования и развития этноса. При этом древнейшие тотемистические пласты почитания сохранились лишь в пережитках, сложно выделить все признаки, присущие этой форме ранних верований (тотемные имена родов, пищевые запреты, связанные с тем или иным животным, с одной стороны, и с родовой группой – с другой; вера в превращение человека в животное и происхождение человека от животного; специфические формы поклонения животным, имена которых носят определенные роды). На наш взгляд, опрометчиво часто бытующее в краеведческой литературе мнение о том, что любые следы почитания животных у тюркоязычных народов Северного Кавказа связаны с пережитками тотемизма. Основные же поверья тюркоязычных народов Северного Кавказа можно определить как более развитую форму культа животных – зоолатрию или теротеизм (буквально – поклонение зверям), так как на дальнейшее развитие почитания животных оказали влияние промысловый культ, становление скотоводства и сопутствующих ему культов, а также наличие суеверного страха перед основными животными (хищниками, змеями). Следы тотемизма, промыслового культа и страха перед животными настолько переплелись в культово-обрядовой практике тюркоязычных народов Северного Кавказа, что их трудно отделить друг от друга.

В данной статье в числе примеров зоолатрии мы обратим внимание на почитание оленя, не отделяя пережитки древнейших тотемистических наслоений от более поздних напластований. Олень был одним из наиболее излюбленных и почитаемых животных в автохтонной среде.

Култ его в древности был широко распространен на значительной территории Евразии, начиная с каменного века и кончая Средневековьем, и в пережиточном виде сохранился у многих народов, особенно Сибири и Северо-Восточной Европы [22, с. 107]. Бытовал он и у тюркоязычных народов Северного Кавказа, прежде всего у карачаевцев и балкарцев.

Оленье молоко, по народным представлениям, являлось волшебным лекарством, исцеляющим самые страшные хвори. Об этом рассказывается в старинных песнях «О девяти братьях Кубадиевых», наказанных богом за бесстыдство и наглость проказой. В лесу, куда братья ушли умирать, старший из них убивает оленюху, но не в силах освежевать ее, выдает молоко и ставит фляжку в расщелине скалы. Оттуда выползает змея и выпивает все молоко. Раздувшись от него, она не может вползти обратно. И исторгает молоко во фляжку. Доведенные болезнью до отчаяния, братья решают выпить ядовитое, отравленное змеей, молоко и умереть. Но молоко оказывает неожиданно целительное воздействие, братья выздоравливают и возвращаются домой, преобразенные внешне и внутренне [16, с. 56-60].

О вере в волшебные свойства оленьего молока говорится и в другой древней песне о несчастном охотнике Бийнегере, который в поисках молока белого марала для заболевшего брата отправился на охоту. По пути на охоту Бийнегер встречает старого чабана, который предупреждает его, чтобы он ни в коем случае не стрелял в белую оленюху. После долгих скитаний Бийнегер находит ее: у оленюхи три ноги, шерсть белая, как молоко, глаза светятся, словно звезды, она птицей перелетает с вершины на вершину.

Пройдя всю Балкарию, от края до края, она наконец останавливается. В ответ на просьбу Бийнегера подойти ее, оленюха говорит, что она не оленюха, а прекрасная дочь Апсаты, покровителя диких животных и охоты, – Фатимат. Охотник несколько раз стреляет в нее, но пули его падают на землю. Она прокладывает Бийнегера за его жестокость. По преданиям, Апсаты запрещал убивать на охоте белого оленя или тура. Человек, нарушивший этот запрет, мог даже ослепнуть [17, с. 15]. Кроме того, прекрасный олень – один из зооморфных образов Апсаты. Именно с последним связывают каменную стелу высотой около 4 метров, найденную в дремучем лесу Чегемского ущелья. Стела представляет собой образ животного, достаточно похожего на лань. В настоящее время часть ее выставлена во дворе краеведческого музея города Нальчика.

Привлекает внимание имя божества. Слово «Апсаты» Н. Я. Марр выводил из армянского *аспац*, *асвац*, *астовац* – «бог» [14, с. 82]. М. Джуртубаев придерживается другого мнения. «Дело в том, – пишет исследователь, – что туры во многих текстах названы дочерьми Апсаты». Вряд ли это случайная метафора.

Объясняется это, видимо, тем, что Апсаты относился к классу мифологических существ – духов-отцов. Имя его тогда звучало бы как *ау атасы* (т.е. «отец охоты»). В результате слитного произношения обоих слов получилось бы *ау тасы*, затем уже *аусаты*, *апсаты*» [9, с. 118].

Считая это объяснение вполне правомерным, приведем точку зрения С. Я. Байчорова. Он предполагает, что это имя расчленяется на *аб* или *ап* и *сат*. Известно, что *ап*, *аб*, *ав* на тюркских языках означает понятие «охота» [10, с. 1], а слово *сат* или *сэт* означает «священный». Таким образом, С. Я. Байчоров объясняет имя Абсаты (Апсаты) как «Святой охоты», то есть покровитель охоты [5, с. 56].

В связи с этим интересно вспомнить скифскую богиню Апи, которую Геродот отождествляет с греческой Геей. Некоторые исследователи указывают на созвучие с авестийским *арі* – вода [6, с. 36]. Но, на наш взгляд, не стоит стремиться связать имена всех скифских божеств с иранскими или осетинскими.

Имя богини Апи И. М. Мизиев, на наш взгляд, совершенно правомерно сопоставляет с термином, распространенным во многих тюркских языках и звучащим как *аба*, *ана*, *анай* в значениях «мать, бабушка, тетя» и т.д. [18, с. 46]. Кроме того, с богиней Апи греки сопоставляли свою богиню охоты, лесных животных, богиню-охотницу прекрасную Артемиду.

Изображения Апи всегда сопровождалась оленями, охотниками, с ней связаны дикие животные, звери, она почиталась скифами как владычица зверей [8, с. 86]. Не напоминает ли это карачаево-балкарского Апсаты?

Сходные имена носят боги охоты у сванов – Апсат и осетин – Афсати, причем у сванов сюжет о Бийне-гере повторяется в предании об охотнике Бетки, которого богиня охоты Дали подобным же образом наказала за измену и сожительство с земной женщиной [23, с. 415-416].

На наш взгляд, было бы не научно рассматривать это лишь как влияние культуры одних народов на другие. Возможно, это объясняется общим для этих народов древним кавказским субстратом, к которому имела непосредственное отношение часть автохтонного населения Кавказа, являвшаяся предками современных карачаевцев и балкарцев.

В кавказских археологических материалах очень часто встречаются изображения оленя, что свидетельствует о том, что культ этого животного был свойственен древним кавказским племенам [2, с. 38]. Широкое распространение культа оленя на Кавказе может еще объясняться и тем, что, уже начиная с эпохи ранней бронзы (III тыс. до н.э.), его рога использовались в качестве простейших пахотных орудий [Там же, с. 38-39], рассматривались как символы плодородия [11, с. 191-192].

Вместе с тем изображения ланей встречаются на стенах средневековых склепов и мавзолеев, в сценах охоты на наскальных рисунках в верховьях Кубани и в Баксане. В последнем на стене склепа Къаншаубия Крымшамхалова был обнаружен рисунок белого марала. Сохранились также изображения оленей, имеющих рога с соляными заветвлениями (в виде кругов с отростками) [12, с. 53].

По мнению профессора К. Т. Лайпанова и археолога И. М. Мизиева, эти рисунки имеют сходство со скифскими. В связи с этим академик А. П. Окладников и Е. Н. Окладникова отмечают: «Корни представлений о космогоническом образе оленя-солнца, как известно, уходят в культуру племен сибирской тайги эпохи бронзы и раннего железа. На рисунках Алтая сохранились два значительных скифских сюжета: олень с древовидными рогами и человек с поднятыми над головой рогами оленя. Оба эти сюжета могут быть сопоставлены с образом Мирового дерева, таким, каким его сохранили мифы скифов – как об опоре неба и солнца, о пути, по которому осуществлялась сверхъестественная связь трех миров: нижнего (подземного), среднего (земного), верхнего (небесного)» [19, с. 7]. Приблизительно в таком же ракурсе рассматривает этот вопрос и Д. С. Раевский [20, с. 46].

Широкое распространение изображения этого благородного животного в искусстве кавказских аборигенов получили с появлением на Северном Кавказе скифских племен (VIII-VII вв. до н.э.) [22, с. 108]. Олень был в числе животных, особенно почитаемых скифской богиней зверей *Аргимпаса* [7, с. 167-169]. По мнению скифолога М. И. Артамонова, большое внимание, уделяемое оленю в скифской среде, нельзя объяснить ни его ролью как охотничьей добычи, ни тем более домашнего животного. Роль оленя «в идеологии скифского народа необходимо выводить из представлений, возникших на более древних ступенях социально-экономического развития, когда он мог быть не только главнейшей охотничьей добычей, но и наиболее распространенным тотемом» [3, с. 33]. От скифо-сарматов культ оленя был унаследован аланами [22, с. 109].

Между тем культ оленя, предания и легенды, связанные с ним, находят уникальные параллели и с фольклором гуннов. У Иордана приводится следующая легенда о гуннах: «Охотники из этого племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней Мэотиды, заметили, как вдруг перед ними появился олень, вошел в озеро, которое до тех пор считали непреходимым, как море. Лишь только перед ними, ничего не ведающими, показалась скифская земля, олень исчез. Вовсе не зная, что кроме Мэотиды существует еще и другой мир, и приведенные в восхищение скифской землей, они, будучи догадливыми, решили, что путь этот, никогда ранее неведомый, показан им божественным соизволением. Они возвращаются к своим, сообщают им о случившемся, расхваливают Скифию и убеждают все племя отправиться туда по пути, который узнали, следуя указанию Оленя. Всех скифов, забранных еще при вступлении, они принесли в жертву победе, а остальных подчинили себе» [4, с. 29]. Из этой легенды следует, что олень, указывавший путь гуннам, был в их представлении тотемным животным – родоначальником, и его образ связывался с названным озером. Е. Ч. Скржинская отмечает, что сюжет об олене, следуя за которым гуннские охотники перешли Мэотийское болото, или Киммерийский Боспор, был широко распространен и повторялся у ряда писателей V-VI вв. – Евнания, Созомена, Прокопия, Агафита, Иордана. «Я нашел и такое известие, – пишет последний, – что киммерийский Боспор, обмелевший от снесенного Танаисом ила, позволил им перейти, пешком, из Азии в Европу» [Там же, с. 30]. А в решающий момент битвы на Каталаунских полях, известной в истории как «Битва народов», гуннский вождь Аттила обратился с воодушевляющей речью к своим воинам: «Наконец, к чему фортуна утвердила гуннов победителями стольких племен. Кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к Мэотидам, столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным? Кто же заставил тогда перед безоружными отступить вооруженных?» [21, с. 17]. Слова Аттилы свидетельствуют о том, что гуннский вождь имел в виду глубоко почитаемого прародителя гуннов – тотемное животное, которое, согласно преданию, указало путь в Европу, много столетий остававшийся им неведомым.

Теперь обратимся к карачаево-балкарскому фольклору.

В легенде, рассказанной Мырза-Кулом Урузбиевым Ж. Ш. де Бесу, Тума-Мариен-Хану и его дружине путь на Запад показывает также Олень (или Белая Лань), олень приводит их к Черному морю и исчезает, когда охотники увидели кораблик, в котором находится счастье Тума-Мариен-Хана – дочь Византийского императора – Алемелия [1, с. 331-333]. Как в гуннской, так и в карачаево-балкарских легендах присутствует тотемное животное – Олень (или Белая Лань), который приводит героя к встрече со счастьем.

В нартском сказании «Ерюзбек и Белый Марал» дорогу к крепости одноглазого эмегена Ерюзбеку показывает Белый Марал и приводит его опять-таки к успеху и счастью [15, с. 52]. И еще один подобный сюжет известен в легендах об охотниках Малкаре и Боташе, которые также, будучи на охоте, в погоне за оленем открыли для себя новые земли в верховьях Черема и Кубани и поселили там свой народ [9, с. 119]. На наш взгляд, все эти легенды имеют общие гуннские корни. А к гуннским племенам относятся болгары, хазары, савиры, огузы, кипчаки, утигуры и многие другие.

В то же время, как отмечалось выше, почитание оленя широко бытовало и в скифо-сарматской среде, а впоследствии унаследовано и аланами. Таким образом, культ оленя мог быть передан указанным этносам любым из племен, участвовавшим в их этногенезе. Пережитки же этого культа оказались настолько сильны, что, несмотря на принятие ислама, продолжали бытовать и в XIX в., и в XX в. Даже сегодня мы можем увидеть на крышах и заборах домов фигурки именно оленя (лани), вырезанные искусной рукой мастера.

Список литературы

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974.
2. Алексеева Е. П. О семантике орнамента глиняных и металлических изделий из археологических памятников Карачаево-Черкесии и о некоторых культах // Проблема археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985.
3. Артамонов М. А. Скифо-сибирское искусство звериного стиля // Проблемы скифской археологии. М., 1971.
4. Байрамуков У. З. Кладезь народной памяти: анализ легенд в поисках истока. Черкесск, 1993.
5. Байчоров С. Я. Гунно-протоболгарско-северокавказские языковые контакты // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982.
6. Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
7. Вязьмитина М. И. Ранние памятники скифского звериного стиля // Советская археология. 1963. № 2.
8. Гранов Б. Н. Скифы. М., 1971.
9. Джуртубаев М. Ч. Древние религиозные верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991.
10. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
11. Киквидзе Я. А. Земледелие и земледельческий культ древней Грузии. Тбилиси, 1983.
12. Лайпанов К. Т., Мизиев И. М. Происхождение тюркских народов. Черкесск, 1993.
13. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998.
14. Малкондуев Х. Х. Историко-этнографические истоки и функции осенне-зимних календарных песен карачаевцев и балкарцев // Календарно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.
15. Малкъар – Къарачай нартла. Нальчик, 1966.
16. Малкъар халкъ жырла. Нальчик, 1969.
17. Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII-XVIII вв. Нальчик, 1991.
18. Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
19. Окладников А. П., Окладникова Е. А. Древние рисунки Кызыл Кела. Новосибирск, 1985.
20. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
21. Советская тюркология. 1978. № 6.
22. Чибириков Л. А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984.
23. Штенберг Д. Я. Первобытная религия. М., 1936.

DEER IN TRADITIONAL WORLD OUTLOOK OF THE TURKIC-SPEAKING PEOPLES FROM NORTHERN CAUCASUS

Tekeeva Larisa Kichievna, Ph. D. in History
Karachay-Cherkessia State University named after U. Dzh. Aliev
lar-tek@yandex.ru

The author discusses deer cult in the traditional culture of the Karachays, Balkars, Kumyk and Nogai peoples, draws attention to the fact that among the totemic and zoolatrous cults of the Turkic-speaking peoples from Northern Caucasus deer has a special place and is one of the most respected animals, and comes to the conclusion that the traces of this animal worship and its social significance are preserved today in the traditional beliefs and epic tradition of the Turkic-speaking peoples from Northern Caucasus.

Key words and phrases: totemism; religious beliefs; folklore; mythology; cult of deer.